

Юлия Жукова

ТОМИТЬ

НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ

Юлия Жукова

Томить на медленном огне

Серия «Как избавиться от тыквы»

<https://litres.ru/74675187>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать с горой тыквы, которую отказываются есть тёмные эльфы?

Правило первое: не зли принцессу, иначе пойдёшь на корм василиску.

Правило второе: не облизывай сладкое с пальцев на глазах у впечатлительной девицы, иначе будешь помолвлен.

Правило третье: не сбегай от жениха, иначе не узнаешь, что он в тебя влюблён.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Томить на медленном огне

Глава 1

Тыква уродилась на славу, чтоб её. Заранарар стоял на вершине террасных садов и оглядывал тоскливым взглядом оранжевые склоны. Тыквы было много.

Заранарар поступил на службу к принцессе Азмараэз совсем недавно, после того, как двух управляющих садами скормили гигантскому василиску, а третьего отдали на растерзание ещё более опасному монстру — кухне принцессы. Бывалый тёмный эльф Зар отчётливо понимал, что поблажек и прощения на этой работе ждать неоткуда. Он шёл к должности такого уровня всю жизнь, и вот теперь наконец заполучил её. Но награда таила в себе самое сложное испытание.

Принцесса Азмараэз затеяла в стране тёмных эльфов Эжедможе продуктовую реформу и ради этого нашла способ выращивать на голых скалах вкусные и полезные растения. В первую очередь, конечно, кукурузу, но также и сладкие фрукты, о каких тёмным до тех пор приходилось только мечтать. Ради этого Азмараэз даже сочеталась браком с принцем-консортом Фариндорэлем из светлых эльфов, и тот своей силой поддерживал комфортную среду для новых культур. К Фариндорэлю время от времени приезжали друзья и

родственники, которые чертили магические круги и занимались высокой светлой наукой селекцией.

Всё было отлично до тех пор, пока принц-консорт не вырастил тыкву. Нет, поначалу тыква внушала надежды. Она была крупная, красивая, с большим количеством сочной мякоти.

Зар сделал карьеру, когда тёмные эльфы ещё добывали пропитание, нападая на людские и гномьи караваны — и от пленников он многому научился в вопросах хранения и заготовки провианта, чтобы добытый кровью (чужой) и потом (тем более чужим — эльфы не потеют) груз не пропал зря, а способствовал усилению доблестных воинов Эжедможа.

Сам не будучи особо доблестным, Зар быстро нашёл себя в заботе о поставках, перевозках и защите груза. После походной школы работа на принцессу казалась плёвым делом: провиант вырастает на ровных аккуратных грядках, собирают его по плану, а не когда подвернётся, хранят в прохладных, продуваемых горными ветрами пещерах, и даже защищать от голодных соратников не требуется — с этим прекрасно справлялся питомец принцессы, гигантский василиск Гожтавш. В таких сказочных условиях управляющий думал, что продовольственный вопрос полностью у него под контролем.

И тут-то ему и подложили тыкву.

Сперва тёмные пытались есть тыкву сырой, так же, как делали с фруктами. Она была на вкус чуть сладковатая и вяжу-

щая. Но довольно быстро выяснилось, что такой способ потребления дисгармонировал с их пищеварением, и Азмараэз его строго запретила, а дворец ещё сутки проветривался.

Тогда управляющий спросил у принца-консорта: а как, собственно, тыкву употребляли у него на родине, в лесу светлых эльфов? На что получил ответ: её варили и смешивали с кашей.

Зар поставил эксперимент на себе, как настоящий борец за своё дело, и попробовал кашу с тыквой. Она была отвратительная. Сладковатая, но не совсем сладкая размазня неприятного рыжеватого цвета... Может быть, проблема была в том, что в Эжедможе кашу варили только кукурузную, в то время как у светлых в чести была пшённая. Увы, пшено на скалах пока не росло. Но как бы там ни было, тыква придавала каше какой-то склизкий растительный привкус и совершенно не радовала ни глаз, ни язык. То есть Фариндорэль-то её наворачивал за милую душу, так что дело было, видимо, во вкусовых предпочтениях тёмных эльфов — вслед за управляющим другие морримы на это тоже решили, что, пожалуй, ну её к подземным паукам такое есть, мы как-нибудь и на грибах проживём.

И вот тогда проблема тыквы встала во весь рост. Посаженную самим принцем-консортом, её нельзя было скормить скоту. А эльфы жрать её отказывались. Позволить тыкве его высочества просто сгнить в амбаре тоже было совершенно невозможно. Зар слишком хорошо помнил судьбу своих

предшественников и точно не собирался её повторять. Тыкву следовало использовать в пищу.

Но как? Прибыв на очередной продовольственный совет во дворец королевы, он накинулся с расспросами на всех, кто ему там подвернулся: начиная от светлых эльфов, заканчивая даже невесть где выкопанным гномом-агрономом.

— Да варим мы её, — отвечали светлые. — Варёную и едим, просто так или с кашей. Можно ещё мёда добавить.

Мёд в Эжедможе был на вес золота, потому что дикие пчёлы производили его крайне мало, цветы в горах попадались редко, а долезть до ульев среди скал и вытерпеть ядовитый отпор пчёл было подвигом для самых отбитых. На новых плантациях Азмараэз пчёл только-только начали заселять для опыления посадок, и пока что взять у них было нечего. Переводить драгоценный продукт на то, чтобы смешать его с сомнительной тыквой, показалось Зару недопустимым расточительством.

— Ну, мы её парим, — ответил гном. — На решётку кладёшь, а под ней пусть чан воды кипит. Она так вроде насыщеннее получается.

Заранарар напряг дворцовую кухню и продегустировал пареную тыкву. Что та размазня, что та. Он лично разницы не почувствовал.

Зар вздохнул и пошёл приставать к людям.

— Варим, — ответили люди. — В супе там, скажем. С солониной.

Зар представил себе сладковатую тыкву в супе с солониной и с трудом сдержал рвотные позывы. Нет уж. Лучше каша.

Из всех рас неопрошенными остались только орки. Подходить к ним было не особо приятно: они пованивали. И в их кулинарных способностях Зар очень сильно сомневался. Но, с другой стороны, если он не испробует все возможности, то как потом будет отчитываться Азмараэз, когда та спросит, почему тыква не освоена? Принцесса — не такая морримка, чтобы выслушивать отговорки. Поэтому, по возможности задержав дыхание, Зар пошёл к орочьей делегации.

— Вах худлам-байрам варить, готовить! — ответил ему старший орк по имени Бурт в золотом халате, не стиранном со дня рождения этого орка.

«И ты, Бурт,» — подумал Зар.

Да что ж за проклятье такое, даже орки, — даже они эту паучью тыкву варят! Ну как так? Неужели из неё нельзя сделать больше ничего?

— Крун, крун! — поддержали своего старшего орки помельче. — Варить сладко, — произносили они это с каким-то то ли отвращением, то ли насмешкой, и Зар не совсем понял, в чём дело. Тоже, что ли, вот эта едва заметная сладость раздражает?

— Сладко — плохо? — уточнил он.

Орки на морримском говорили так себе. Впрочем, как и на всех остальных языках цивилизованных рас.

— Сладкое дурум курум, мягкое тело, плохой воин, — выдал старший орк с назидательным видом, даже поднял крючковатый палец с жёлтым когтем.

Другие согласно закивали. Хотя один тайком облизнулся. А Бурт развил свою мысль:

— Правильный орк нога козёл оторвал, под седло положил, полстепи проскакал. Вынул и съел, курдум дурлум.

Зар поежился. Нет, морримы, конечно, тоже всякую дрянь жрали. Начиная от лишайников и пещерных грибов и заканчивая крыльями летучих мышей в особой белой плесени, но хотя бы без приправы в виде лошадиного пота. Однако внимание Зара привлекло кое-что другое.

— А как сладко? — спросил он, стараясь говорить попроще. — Как сделать сладкое?

Орки почесали стриженные репы и принялись что-то объяснять, наполовину на орочьем, наполовину на пальцах. Чего-то там про костёр, котёл... Зар понял, что потребуется много времени, и примерно на этом всё. Он даже не мог взять в толк, как должен выглядеть финальный продукт. Будет это что-то твёрдое или что-то жидкое? Орки таких абстрактных понятий не знали и отвечали вообще невпопад.

Наконец тот мелкий молодой орк, который облизывался при слове «сладкое», сдался и вынул из поясной сумки продолговатый предмет, завёрнутый в сухую траву. Развернул и сунул под нос Зару. Тот осторожно понюхал. Орочей отравой можно было полк уложить, да и на вид бугристая бурова-

тая палка доверия не внушала. Однако пахло от неё неожиданно приятно.

Орк, верный своим племенным представлениям о том, как надо угощать, пихнул палку ближе Зару в лицо. И Зар понял, что ему предлагают откусить. Конечно, кусать от одного куска с орком он был не готов. Но, к счастью, палка выглядела неначатой, а находились они в банкетном зале, и он быстро раздобыл нож и тарелочку.

Резалась палка легко, как сало, а на вкус оказалась вязкой, пряной и сладкой — почти как тот самый дорогуший мёд! Плотная мякоть прилипала к зубам, а в самой середине хрустнул орешек, оттенив насыщенно-фруктовый вкус загадочного лакомства.

Уши Зара встали торчком, он невольно заулыбался и вытаращил глаза. Обвёл ими довольных произведённым эффектом орков и спросил, затаив дыхание:

— Это из тыквы?

Тыквенного вкуса Зар не почувствовал, зато живо себе представил, сколько престижа Азмараэз добавит такое угощение, поданное на королевский стол!

Орки дружно кивнули. С ещё более довольным видом. Отчасти довольность объяснялась тем, что остатки палки они разъели на четверых к глубокой печали молодого, которому не досталось.

— Как? — возопил Зар. — Ну как?

Однако, как он ни бился, вычленить внятный ответ из ор-

ков так и не удалось. У него вообще сложилось впечатление, что никто из них толком не знал рецепт. Вроде как сами такую штуку не готовили, а только видели или слышали краем уха. Зар почувствовал, что спасение его жизни уплывает из пальцев. Он был уже готов хватать орков за их засаленные одежды, а дальше — то ли обниматься с ними и пить на брудершафт, то ли хватать их и тащить в темницу для пыток, лишь бы разговорить! Но если орки и сами ответа не знали, то что толку?

Наконец Бурт сжалился над явно отчаявшимся морримом. Похлопал его огромной лапищей по плечу и по-отечески сказал:

— Вах, курдюк-мурдюк ехать вместе станица. Там мастер уметь. Мастер показать.

Зар выпалил согласие, прежде чем успел подумать, а подумав — застонал. Но деваться было некуда: никто, кроме орков, не варил из тыквы сладкие палки.

Весь следующий день он ходил, держась за голову. Во что он сам себя втянул? Ехать с орками в их станицу, чтобы какой-то орк ему там показал, как варить из тыквы мёд!

У морримов родственники не сильно заботились друг о друге, особенно по достижении совершеннолетия. Вроде как до взрослого возраста дожил — значит, как-то сам справится. Поэтому научить уму-разуму Зара было особо некому. Для очистки совести он сходил к своему старому учителю, от которого и постиг науку управления походным хозяйством.

Тот выслушал его молча и, так же не говоря ни слова, достал из шкафчика камень для обряда захоронения. Растолок в блюдечке белую краску, начертил на камне имя Зара, после чего торжественно показал ему:

— Я буду помнить тебя, ученик.

Зару ничего не оставалось, как вздохнуть и выйти вон. Однако долго страдать у него возможности не было. Орки отправлялись уже через день. Когда Зар сообщил Азмараэз, что поедет в тыквенную экспедицию, та хмыкнула:

— Не боишься сам обедом стать?

Зар мысленно горько усмехнулся. Обедом он станет в любом случае: если не оркам, то василиску Гоше, любимому питомцу принцессы Азмараэз, которому скармливали неугодных слуг.

Вслух же он ответил:

— Ваше высочество, урожай, выращенный светлой для-нью принца-консорта, стоит и не таких жертв.

Азма улыбнулась так же довольной, как давешние орки. И Зару даже показалось, что между ними есть что-то общее.

— Похвальное рвение, — выказала милость принцесса. — Возьми в казне золота на расходы. И не скупись там, если нужно будет кого-то подмазать. Я, конечно, сомневаюсь, что орки действительно умеют готовить, но если вдруг попадётся какой-то самородок, тащи его сюда. Нам лишним не будет.

Напоследок Зар зашёл в храм, где всю ночь медитировал в темноте, молясь о том, чтобы вернуться живым и хотя бы

относительно здоровым. А самое главное — чтобы в результате его опасного предприятия вопрос тыквы как-нибудь решился ко всеобщему удовлетворению.

А на рассвете он вместе с орками выдвинулся в сторону степей.

Как у всякого приличного моррима, у Зара была ездовая пантера, прирученная с котёночьего возраста. Злобные и клыкастые лошади орков косились на неё диким взглядом и время от времени пытались окружить и покусать. Но не на ту напали — одного рыка Жрафаечки было достаточно, чтобы они отступили. Сам Зар ростом вышел для моррима высоковатым, и хоть силой не особо удался, а пантеру пришлось подбирать покрупнее, и в итоге рослый всадник на здоровенной кошке смотрелся среди кривоногих орков особенно внушительно.

Благодаря натянутым отношениям ездовых зверей у Зара была прекрасная отмазка, чтобы ехать чуть поодаль от орочьего отряда и поменьше обонять как лошадей, так и наездников. Да и еду он на всякий случай взял с собой. И пусть это были чёрствые кукурузные лепёшки — морримские зубы привыкли грызть и не такое. Зато хотя бы они не лежали под седлом полстепи.

Станица показалась из-за горы на третий день. Яркие, пёстрые, как орочы халаты, шатры смотрелись посреди долины горстью просыпанных ягод. Тянуло дымом и навозом. Однако после надзора за садовыми работами Зар вместо то-

го, чтобы поморщиться от неприятного запаха, возмутился: как так? Ведь весь навоз Эжедмож у орков скупил на удобрения! А эти порождения горгулий, значит, зажали что-то?!

Как только их заметили, поднялся вой и гвалт. Кто-то стучал саблей о щит, кто-то — поленом себе по лбу. Бурт важно кивал всем встречным и уверенно вёл коня к большому красному шатру с подвешенными по окружности золотыми кистями. Оттуда для разнообразия пахло чем-то съедобным, вроде как жареным мясом. Надо надеяться, хотя бы не эльфийским.

Мысль, что с главорком придётся встретиться, Зара посетила ещё когда казначей спросил, в каком виде ему золото выдавать. Орки спешили, и Бурт пошёл в шатёр. Зар увязался за ним — по морримскому обычаю гостя обязательно первым делом представляли начальнику.

Главорк сидел по ту сторону очага и поворачивал на вертеле большой шмат мяса над огнём. Роста и прочих габаритов главный был такого, что занимал собой полшатра, а выпрямиться под крышей, наверное, и вовсе не мог бы. При появлении гостей он не поднял взгляда, не моргнул и вообще никак не отвлёкся от своего занятия.

Едва войдя, Зар поклонился и преподнёс огромному орку золотой кубок с четырьмя орочьими рожами в виде барельефов на стенках. Этот кубок доблестные морримы Азраэз когда-то отбили с другими богатствами у захваченного орочьего отряда, а боевые трофеи в качестве даров высоко

ценились. Орк принял его, всё так же не глядя, и пошевелил угли под мясом прямо мозолистой лапищей.

— Тулук бумук моррым кулук абанух мастэр, — сообщил Бурт, жадным взглядом проследив за кочёвкой кубка от Зара к главорку. Тот наконец осмотрел подарок и издал что-то среднее между рыком и похрюкиванием.

— Мастэр? — уточнил он, не глядя ни на одного из посетителей. И сделал когтистой лапой жест — то ли отгоняющий, то ли отпускающий.

Зар открыл рот пояснить свою просьбу, но не успел ничего сделать: два дюжих орка, подпиравших головами крышу шатра у входа, ухватили его за плечи и выволокли наружу.

— Крун! — рывкнул один и задёрнул занавеску.

Орки из делегации оживились:

— Крун, крун!

Подцепили Зара под локти и потащили в проулок между шатрами.

Зару вообще всегда казалось, что «крун» — это просто «да», но, кажется, он чего-то не знал. Однако не успел он опомниться и начать сопротивляться, как его с разбегу зашвырнули в открытый вход маленького прокопчёного шатра — и он едва успел затормозить, чтобы не сбить с ног его обительницу. В руках у обительницы был котелок, который от неожиданности подскочил — Зар попытался его поймать, но обжёгся, перехватил, влез пальцами во что-то жидкое и горячее, и наконец поставил злосчастную посудину на стол.

И застыл, нелепо растопырившись, потому что на него в полутьме шатра таращила прекрасные сиреневые глаза щуплая и невысокая, завёрнутая в грязный орочий халат, юная морримка.

Глава 2

Зар получил свою должность не за то, что не мог совладать с эмоциями, а удивление среди морримов вообще лучше лишний раз не показывать, мало ли, что ты там увидел! Как начальник труп прячет, например... В общем, он быстро собрался и хотел было сложить руки для приветствия, но обнаружил, что пальцы в чём-то липком. Понюхал. И облизал.

Во рту стало сладко. Не так, как от фруктов или дикого мёда — благородно, с горчинкой, с какой-то пряностью, но при этом слащелюбой эринэльдской сливы. Такой сладости Зар никогда ещё не пробовал. Она заполонила собой всё, ощущалась даже в носу на выдохе, а когда он моргнул, показалось, что веки чуть липкие.

Осоловело прикрыв глаза, Зар облизнул второй палец. И всё же помимо сладости был тут и фруктовый привкус, напоминающий о той палке, которой угощал орк.

Управляющий наконец сфокусировался на девушке, у которой едва не выбил котелок.

Это точно была тёмная эльфийка. В орочьем халате, который был ей велик и, судя по подолу, служил ещё и полотенцем, и хорошо если не половой тряпкой. Щуплая, невысокая, чумазая, со слегка буроватой кожей — то ли от грязи, то ли от солнца, со слипшимися в сосульки грязно-белыми волосами и огромными сиреневыми глазами, изумлённо

установившимися на Зара.

Что она тут делает? На пленницу не похожа, а о прочем судить трудно: такая хилая девица не смогла бы завоевать высокое положение среди орков, не важно, будь она служанкой или дочерью главаря.

— Как тебя зовут? — спросил Зар, понадеявшись, что хоть морримский язык девушка знала.

Та не ответила. Она смотрела Зару в рот так, будто оттуда сейчас радуга прольётся.

— Имя, — повторил Зар яснее. — Твоё.

— Наська, — выдавила наконец девчонка хрипло и встряхнулась. — А ты что тут...

— Это тебя орки так называли? — перебил Зар, возмущённый до предела. Кто посмел дать морримке какое-то людское прозвище! Возмущение требовало компенсации, и Зар облизал третий палец.

— Это... сокращённо, — девчонка заворожённо следила за рукой Зара, когда она поднялась ко рту, а затем опустилась. Говорила она отрывисто и с лёгким акцентом, словно давно не вынимала морримский язык из дальнего сундука.

— А полностью? — потребовал тот.

Девушка вздохнула и опустила взгляд. В шатре словно стало темнее.

— Только не смейся, — сказала она тихо, почти сердито. — Таланастэ.

Зар моргнул. Что смешного в прекрасном древнем имени

Таланастэ? Теперь, правда, чаще говорили Таланаштэ, на современный морримский лад, но старый вариант звучал острее, подобно значению имени — «надёжный клинок».

— Почему я должен смеяться?

Девушка повела плечом, которое от этого выскочило из великоватого халата, и тут вдруг просветлела лицом:

— А ты по-орочьи не говоришь, да?

— Не-ет, — протянул Зар и возмутился ещё сильнее. Это что же, оркам нелепо звучит морримское имя?! И только тут он осознал, что эта оборванка называет его на ты! Это он с дороги так паршиво выглядит, что ли? Зар расправил плечи, отряхнул одеяния и вытянул из рукавов золотые браслеты-обереги. — Ты имеешь честь лицезреть перед собой управляющего террасными садами Её Высочества Седьмой принцессы Азмараэз Ллантинай, лорда Заранарара Халеззира.

Таланастэ икнула, а потом начала что-то считать на пальцах.

— Управляющий, высочество, принцесса, лорд... Так ты кто из этих восьмерых?

Зар начал понимать, почему девушку звали Наськой.

— Её Высочество Седьмая принцесса Азмараэз — это одно лицо. А я — управляющий её садами. И меня зовут лорд Заранарар.

— Во-он оно чё...

В глубине шатра задремезжала крышечка на горшке.

Наська сорвалась с места и метнулась туда, где над очагом поднимался столб пара. Запахло сладким. Зар облизнул губы и нашарил взглядом тот котелок, что чуть не разлил. Украдкой мазнул пальцем по краю, стирая вязкую жидкость — уже подостывшую и загустевшую. Ну до чего же вкусно!

Тут у него в голове наконец щёлкнуло. Эта Наська что, и есть мастер, к которому везли его орки? То, ради чего он проехал три дня, пылясь под степным ветром и обоняя орков и их лошадей?

— Так это ты варишь из тыквы сладкие палки? — выдал он, кое-как сложив слова вместе.

— Ты-квы... — повторила Наська, помешивая в котелке. — Что это?

Зар поискал глазами по шатру и быстро нашёл нужное. Правда, местная тыква была маленькая, белая с зелёными прожилками и перетянута посередине, как оса.

— Вот это.

— А! — обрадовалась Наська. — Это... как по-твоему... горлянка, что ли.

Она взяла тыкву с полки так, словно та была тяжёлая, и оторвала ей хвостик. Нет — Зар пригляделся, не хвостик. Пробку вынула. И сунула Зару в лицо. Из тыквы пахнуло сладким, как из котелка.

— Это бекмес, — пояснила Наська. — Из него делаю чурчхелу.

Это на орочьем, понял Зар. А ещё понял, что мелкая так

и обращается к нему на ты, несмотря на все титулы.

— Кто тебя варить учил?

— Никто, — Наська развела руками. — Само вышло. Я вообще сбодяжить хотела, да сдуру на очаг поставила, а оно взяло и загустело. С тех пор вот варю такое.

Она отодвинула занавеску, едущую по верёвке поперёк шатра, и взгляду Зара предстали ровные ряды бугристых палок, повешенных на нитках к потолочной жерди. Наська подпрыгнула и повисла на палке. Под её весом нитка из неё выдернулась, и она приземлилась с добычей.

Палка была тусклая, но Наська обхватила её рукой и провела туда-сюда. Зар заворожённо следил, как кончик чурчхелы выглядывает из её кулака, а потом снова скрывается. В орочьем шатре и так было жарко, а тут как-то совсем уж припекло, и Зар раздёрнул полы мантии на груди.

— Чтоб блестела, — пояснила Наська. Зар поднял взгляд и понял, что намёк вышел неслучайно.

— Сколько тебе лет? — спросил он на случай, о котором не хотел глубоко задумываться.

— Взрослая я, — обиженно буркнула Наська и перестала натирать палку. — Мелкая просто.

— И как ты оказалась в орочьей станице?

Наська пожала плечами.

— Прибилась в детстве. Родаков враги порешили, а я сбежала. Ну вот куда добежала, там и осталась. Я уж думала, забыла совсем, как по-вашенски говорить. — Она ещё раз

протёрла чурчелу, подкручивая кулак, и протянула её Зару: — На.

Тот взял осторожно, чтобы не продолжать намёк. Отломил кусочек, рассмотрел. Внутри был вмурован орех. Зар отправил кусочек в рот и блаженно прикрыл глаза. Чурчела была чуть менее сладкая, чем жидкий исходник, но зато такая полнотелая, вязкая, с хрустящим орешком в середине... Зар даже тихонько застонал от удовольствия. А когда открыл глаза, увидел Наську — на щеках темнел румянец, а сама мелкая пройдоха добыла себе ещё палку и теперь, поймав взгляд Зара, её очень выразительно лизнула. И пососала кончик.

У Зара слегка потемнело по краям поля зрения. Нет, всё-таки тут слишком жарко, и ему что-то примерещилось. В степи и так солнце палит, а тут ещё очаг шпарит, определённо у него мутится разум.

— Покажи, как делаешь, — внезапно севшим голосом потребовал он.

— Так вон, в казане, — Наська кивнула на очаг.

Это уже звучало по-гномьи, ну да толстостенная металлическая посуда наверняка пришла сюда с гномьим караваном. В ней тихо побулькивало рыжеватое варево.

— Это бекмес, — пояснила Наська. — Вот как ты пробовал, — она выразительно облизала палец. Зар поспешно отвёл глаза и уставился на бекмес. Тот беспечно булькал. — Вот упарится до середины казана, надо будет муку добав-

лять.

— Муку? — Зар нашарил взглядом мешок с чем-то белым у стола. — Это из чего?

— Из зерна. Оно растёт тут везде, — мастер махнула рукой вокруг шатра. — Коровы жрут. Только толочь замучаешься, я хотела мельницу сделать, но пока деревья мне не дают, давно к лесу подходили, кончилось.

Зар сделал себе заметку, что зерно тоже надо будет закупать у орков, но если его жрут коровы, то это вряд ли дорого. Главное везти отдельно от навоза.

— И это всё из твоей... горлянки?

— Ну да, — девушка кивнула и отошла ближе ко входу, где стояло деревянное корыто на ножках со сливом с одной стороны. В корыте лежал мешок, из которого по сливу в миску сочилась бледная жидкость. Наська раскрыла мешок — внутри была разваренная тыква. Зар уже посмотрелся на эту субстанцию и узнавал её в лицо. — Стечёт, вот из сока бекмес и варю. А чтобы лучше текло... — мордочка Наськи вдруг стала хитрой-хитрой. Она ухватила каменный кругляш в локоть шириной, придавила им мешок, а в дыру в серёдке вставила гладкую жердь. И принялась на неё налегать то так, то этак. Вынула-вставила, вынула-вставила. Вся аж прогнулась от усердия, и давай на Зара поглядывать через плечо. Дорожка из сока побежала резвее.

И тут Зар всё понял. И чурчхелу в своей руке, и вот эти все ужимки. Он же девушке назвался со всем апломбом, явился,

опять же, в шелках и золоте в этот хлев. И бедная потерянная морримка решила, что важному господину от неё надо только одно. Что с неё взять, с орочьего выкормыша, где ей ума-разума было набраться? А меж тем важному господину надо совсем другое. Вот то, что за занавесочкой висит, и что в казане булькает.

— А тыкву как варишь? — спросил он, уводя девушку обратно к теме бекмеса.

— Да так, в казан порублю и чуть водички, чтоб не горела. Зар нахмурился.

— Как же порубишь, если ты потом в ней же свой бекмес и хранишь?

— Так это разная, — вздохнула Наська, оставив наконец палку в покое. — Горлянка когда затвердеет, внутри сухая становится, невкусная. Её только молодой брать надо, но тогда шкурку только выкинуть. Она тут растёт, — она снова махнула рукой в сторону степи, — но не так чтоб много. А из старой плоски делают, фляги вот. Так что мне много брать не дают.

— И что, и ради бекмеса не дают? — удивился Зар.

Наська пожала одним плечом.

— Орки сладкое не любят, им вишь зазорно. Это разве что бабу угостить, и то не всякую. — Она снова вздохнула. — А я люблю...

Зар задумчиво кивнул. И понял, что Таланастэ отсюда нужно вывозить — с бекмесом, чурчхелой, казаном и коры-

ТОМ В КОМПЛЕКТЕ.

Глава 3

Оставалось дело за малым — убедить в этом саму Таланастэ. Зар в отличие от многих царедворцев не страдал иллюзиями, что должность во дворце — это безусловное благо. Сам он в своё время изрядно повзвешивал за и против, прежде чем решиться и пойти к Азмараэз. При власти сытно, но страшно. И это он — с воспитанием, с приличной кровью, с годами обучения у непоследнего специалиста за поясом. А тут орочий выкормыш.

И всё же оставлять этот самородок здесь нельзя. Азмараэз на то дала прямое указание. А значит, её нужно убедить. И Зар, опять же, не вчера родился, чтобы начинать убеждать прямо с объявления того, в чём убеждать собрался. Надо сначала подготовить почву, заманить, вызвать любопытство. Сделать так, чтобы девушка сама попросилась. А тогда уж великодушно разрешить.

Пока Зар всё это обдумывал, Наська принялась резать новую тыкву, и шло дело нелегко. Тесак, которым она орудовала, явно не из гномьего каравана к ней пришёл — бронзовый, с узкой полоской железа только на кромке, к тому же железа не лучшего сорта. Зар ухмыльнулся: вот и первый шанс для убеждения.

Он снял с пояса свой кинжал — морримская работа, посеребрённое лезвие в узорах, гномья сталь, изящная гарда,

хваткая рукоятка из черепашьей кожи, ножны, отделанные перламутром. Кинжал этот Зар справил ещё в караванные времена, тогда он был нужен для защиты, но с тех пор, как его хозяин обосновался во дворце, не покидал ножны. Да и теперь Зар мог себе позволить что-то побогаче, с сапфирами там или золотой финифтью...

— Держи, дарю, — сказал он буднично, протягивая средство убеждения рукоятку вперёд.

Наська отвлеклась от тыквы и уставилась на кинжал. Потом подняла взгляд на Зара. Какой-то не такой взгляд, как должен быть у только что одарённой драгоценностью сироты.

— Ты это серьёзно? — странным голосом спросила она. Зар приподнял точёную бровь.

— Конечно. Я управляющий садами Её Высочества, мне не пристало шутить.

Девушка снова перевела взгляд на кинжал. Вроде бы во взгляде том читалось должное восхищение, но как будто не только оно. Зар представлял себе её реакцию несколько иначе.

Таланастэ оставила тыкву, вытерла руки о передник, подошла и приняла кинжал в обе ладони. Не смыкая пальцев, рассмотрела, словно боялась, что сломает неосторожным движением.

— Это боевой кинжал, — заметил Зар. — Но с тыквой тоже справится.

Наська серьёзно кивнула, а потом, не говоря ни слова, убежала из шатра.

Зар так и застыл в растерянности. Она что, плакать побежала? Неужто так впечатлилась?

Наська меж тем побежала вовсе не плакать. Путь её лежал к шатру главорка — закоулками, чтобы добрые соседи не увидели и не отобрали подарок. Потом-то уж все узнают, но, надо надеяться, на такую важную вещь не позарятся, ну или хоть морримского посла побоятся, за ним же весь Эжедмож.

Главорк заседал с Буртом за чаркой того, что у Наськи не вышло сделать вместо бекмеса, хотя она отметила, что чурчхелой оба всё-таки закусывали. А ещё высмотрела, из чего главорк пьёт, и сердце её ухнуло в колени. Такого кубка раньше не было, а караваны уж полгода как не грабили. Значит, гость подарил. И главорк принял — то есть судьба Наськина решена.

Едва зайдя, она бухнулась на колени и поползла, не поднимая глаз, а кинжал держала перед собой на вытянутых руках.

— Не прибеи, воевода, не скрывала, не пользовалась, получила в дар! — завывала она на орочьем с обязательной плаксивой ноткой, с какой требовалось обращаться за милостью.

Главорк коротко глянул на кинжал, не удостоив взгляда саму Наську.

— Ну.

А что ну? Сама не понимает, что ли? Чужак пришёл в станицу, один подарок воеводе, другой — избраннице, всё как по писаному, ясно же, что в мужья набивается. Только вообще-то моррим должен был при воеводе подарок Наське вручить, но что с него взять, в обычаях не силён. Воевода же должен решить, дозволить ли союз. Читай — отдать ли Наську чужаку на съедение. Прямо о таком не спрашивают, у орков вообще о нежностях вслух не говорят, потому нужно делать вид, что якобы подарок чересчур дорогой, и негоже такой получать в обход воеводы, как бы он не прогневался. Вот Наська тут на коленях и ползала.

— Возьмёшь ли из моих грязных рук? — уточнила Наська с затаённой надеждой сама не зная на что. То ли — что главорк отберёт подарок и брак запретит, то ли наоборот, что позволит.

Главорк отмахнулся, а Бурт довольно рыгнул:

— Такая зубочистка у них у каждого второго на поясе, это не редкость. А воеводе он вона чё преподнёс.

Главорк приложился к кубку и повертел его, рассматривая яростные орочьи морды.

— Принимай, — бросил он. — Я дал согласие, он слышал. Проводы завтра.

Наська облизнула пересохшие губы. Вот так, значит, за

кубок её подарили чужаку. Она тут почти всю жизнь прожила, она им бекмес варила, мастерила всякие мельницы, воду добывала посреди степи, мясо заготавливала, чтобы не портилось месяцами... Но кубка с орочьими мордами оказалось достаточно, чтобы её отдали за первого встречного-поперечного.

Нет, сам по себе этот встречный Наську впечатлил до кончиков ушей. Явился из ниоткуда посреди бела дня высокий холёный красавец, весь в шелках и золоте, в клубах обворожительного аромата — это посреди орочьей степи-то! Наську взглядом обжёг, а потом ещё пальцы принялся облизывать этак многозначительно, один за другим. И имя Наськино спросил, как будто это драгоценность какая. Орки-то в лучшем случае её просто Ушастой кликали, а чаще — задохликом, оборванкой и прочими приятными словами. А имя её на орочьем и вовсе значило что-то вроде «тупая железяка» — так орк назовёт негодное оружие или непонятный механизм, а Наська была и тем, и другим.

И тут вдруг морримский лорд для неё пальцы облизывает! Наська карман шире и раскрыла. Думала, обломится ей внимания господского. И то сказать, на фоне орков для морримки она должна смотреться выгодно, хотя и понятно, что ни в какое сравнение с настоящими морримками не идёт. Те все сильные, быстрые, опасные. Кинжал вон в перламутре у каждого второго. А Наська что? Оборванка и есть. Но на разок могло и прокатить. Было бы хоть потом что вспомнить

— с целым эльфийским лордом довелось.

Однако одно дело — поразвлечься разок и дальше своими дорогами, и совсем другое — поступить лорду в собственность. У него небось гарем эльфов сто, не меньше. Если уж у главорка двадцатеро на одну небольшую станицу! А в гареме все гладкие, лоснящиеся, с круглыми щеками и густыми чёрными бровями, сросшимися над переносицей. Там у баб некоторых даже бороды растут, хоть для орков это редкость. Таких воевода особенно любит, даже как-то поймал человеческого художника и велел их рисовать целый месяц. Потом сожрал, конечно, нельзя же отпустить человека, который гарем главорка видал.

Так вот, у лорда-то морримского небось вообще все бородастые. А у Наськи ни щёк, ни лоска, брови и те — ниточки. И сразу понятно, на каком месте она среди этих смарагдов окажется. А в гареме с тем, кто не в фаворе, разговор короткий — будешь у всех на побегушках собачкой для битья.

Наська посидела ещё на коленях с кинжалом на вытянутых руках, но старшие вовсе перестали на неё внимание обращать, а потом главорк и вовсе клыком цыкнул, что означало, мол, вали уже, чего сидишь. Наська и свалила. Но домой не пошла — присела за Буртовым шатром в тенёчке и думать стала, что же теперь делать.

Если главорк её продал, остаться в станице точно не получится. С этим у орков строго. Наська им и так чужая, а теперь и официально из клана вычеркнута. После проводов да-

же случайно с роднёй увидаться — плохая примета, тут все концы обрубают под корень. Значит, уехать с лордом придётся.

Податься в другую станицу? Да кому она там будет нужна кроме как на ужин? Она и тут-то прижилась только потому, что детёнышем была, а у Бурта как раз первенец родился, вот и выиграло что-то такое в чёрствой орочьей душе. И то всю жизнь что ни день изо всех сил старалась пользу приносить, то это придумает, то то, чтобы только орки не забывали, зачем её терпят и до сих пор не пустили на суп. Устроиться хоть так в новой станице — шансов нет, ей там никто слова сказать не позволит.

Значит, надо ехать с морримом в Эжедмож, а там... Надо надеяться, как только Наська на фоне остального гарема лорду разонравится, о ней и позабудут, вот тогда она и сбежит. Эжедмож большой, авось где-нибудь да пристроится. Ну или к людям... Для них морримы — диковинка, там если, скажем, плясать выучиться пособлазнительней, можно неплохо жить.

Однако чтобы воплотить этот план, для начала надо было до Эжедможа доехать, а это несколько дней. И за те дни лорд мог десять раз рассмотреть, что это он тут подобрал из грязи да решить потихоньку это обратно прикопать, пока не застыдили свои. Чище, красивее или образованнее Наська стать не могла, а значит, её задача — быть тише воды, ниже травы. Супружеские обязанности исполнять по первому

взгляду, ноги целовать и проявлять положенное для такого неравного брака подобострашие.

Кинжал Наська засунула за пояс штанов, прикрыла рубашкой и шмыгнула между шатрами в степь. Может, особо сильным воином она и не была, но уж куропатку поймать да зарезать — это даже маленький орчонок может.

Куропаток попалось аж три штуки, жирненьких. Наська работала аккуратно, чтобы подарок пристойно выглядел.

Зажав их подмышкой, она пробиралась обратно, когда на её пути вырос Бурт. Наська попятилась. Большой орк, скорее всего, не станет отбирать у неё добычу. Однако кинжал-то он видел, мог и позариться. И ему, в отличие от воеводы, можно и взять — это дела частные и на решение отдать Наську никак не повлияют.

— Что, мелкая, нравится, какого жениха я тебе нашёл? — усмехнулся Бурт, слегка покачиваясь после заседания у главорка.

Наська для приличия кивнула, но глаз не подняла. Бурт — посол, а в послы идут только умные. Умных среди орков вообще не очень много, и это не особо ценится, но как раз от посла ожидают, что он сможет по выражению лица понять, что ты на самом деле думаешь. Вот Бурт и понял, несмотря на то, как Наська скрывалась.

— Что, не нравится?

Наська дёрнула плечом.

— Мне и без жениха было неплохо. А у этого, небось, та-

ких, как я, целая сотня. Долго ли продлится его милость?

— Ничего ты не понимаешь, — уверенно заявил Бурт, подняв квадратный палец. — Он как про тебя услышал, сразу ушки на макушке и бегом паковаться. А какой подарок за тебя воеводе подарил — ты сама видела.

— Он этот кубок подарил, ещё меня не выдавши, — возмутилась Наська.

— Ну, — Бурт почесал в затылке и нашёл повод для гордости, — значит, на слово мне поверил. Я тебя хорошо расписал!

Наська вздохнула. Бурт был почтенным орком, а почтенный орк никогда в жизни не признается, что в чём-то неправ. И что бы Наська теперь ни сказала, Бурт всё себе зачтёт за заслугу.

— Что я там делать буду? — заныла Наська. Обвинять Бурта было бессмысленно, но разжалобить ещё оставался шанс. В детстве же прокатило. — У меня бекмес варится, чурчхела сохнет. Как я всё это брошу? А главное, там-то мне что делать? В горах же не растёт ничего. Да и кто мне даст там вот это всё хозяйство развести? И что мне, только и делать, что красиво сидеть у водопада, как морримские бабы в песнях? Так на весь гарем водопадов не хватит.

— Да шо ты заранее из ничего проблему делаешь, — отмахнулся Бурт. — Вареву своё и тут никому не нужно. А Эжедмож не так страшен, как говорят, я только что оттуда. Жратва скудная, зато одёжа богатая, вон сколько на эльфе

золота. Ты главное потише сиди, не высовывайся, авось забудет.

Наська только вздохнула. Похоже, Бурт за неё вступаться не собирался. Не в этот раз. Детство кончилось, да и молодость — тоже, и свобода вместе с ними.

— Отдаёшь, значит, меня чужаку, — буркнула она из чистой злости, уже не ожидая никакого результата.

Бурт поскрёб щёку.

— Так он тебе разве чужой? Он-то как раз твой соплеменник. Это мы тебе тут чужие.

Наська прикусила щёку, чтобы не расплакаться. Она тут всю жизнь прожила, а они по-прежнему так считали. Какой ей моррим соплеменник? Она понятия не имеет, как морримы живут, из детства мало что помнит — мелкая была совсем, да и жили они по-походному, с другими морримами мало встречались. Она только язык и помнит, может, ещё несколько песен. Кроме того — ничего.

Бурт, похоже, всё же впечатлился её кислой физиономией. Подумал, посопел, а потом стащил с правой руки кастет. Слезал тот плохо: за годы он изрядно вырос в орочью лапу, а кожа под ним была бледно-зелёная, как молодой росток. Бурт покрутил железяку, подышал на неё, рукавом протёр и сунул Наське.

— Будет совсем плохо — бей! Они нежные, пробьёшь легко. А ежели сама не сдюжишь, то пришли мне вот это. Получу — так пойму, что надо твоего лорда в бараний рог сги-

бать. Как смогу — приеду.

Наська схватила кастет ещё до того, как Бурт договорил, и только потом осознала его слова. Железо было тёплое, вытертое до гладкости. В носу защипало. Наська утёрлась рукавом, пока Бурт не засмеял её, потому что орки, в отличие от морримов, плакать не умеют. Вот и ещё одно напоминание, что её место не здесь.

— Ладно, — сказала она ломким голосом.

— Но по пустякам не зови! — пригрозил Бурт и ушёл довольный, с видом орка, сделавшего всё как надо.

Девчонка куда-то пропала, а Зар принялся осматривать её инвентарь. Конечно, на пантере такое не увезёшь, но бросать тут совершенно точно нельзя. Оркам оно не нужно, а заново всё это строить на месте — кучу времени потерять. А тыква не ждёт. Она вроде бы долго хранится, но зачем создавать себе лишние трудности?

Поэтому Зар пошёл к главорку договариваться насчёт телеги. Тот был не в восторге, так что Зару пришлось ещё кое-что ему подарить. Но в конце концов они расстались довольные друг другом.

Зар опасался, что его, как посла дружественного государства, будут усаживать за общий стол, а орочьей еды он избегал. Во-первых, неизвестно, чьё там мясо — как бы не со-

племенников, да и тухлое может быть. Во-вторых, мало ли в чём повар руками ковырялся, орки же без понимания. Ну и вообще, могли и отравы подложить, и даже не по злобе, а потому, что орочьи желудки куда крепче эльфийских.

Однако орки не рвались приглашать его отужинать, и Зар спокойно перекусил привезёнными с собой припасами, да ещё пантеру свою покормил, хоть она от вяленого мяса и кукурузных лепёшек была не в восторге. Вернувшись, он принялся делать опись оборудования, чтобы можно было пересчитать и с носильщиков спросить. Даже зарисовал особо сложные предметы, чтобы никакие детальки не потерялись. Но дело кончилось, а бездельничать было скучно, так что возвращению Наськи Зар обрадовался даже слишком сильно.

А вот сама Таланастэ выглядела невесело. Физиономия унылая, вся какая-то сторбленная. Под мышкой — три куропатки. Она подошла к Зару, на вытянутых руках подала их и поклонилась.

— Это что? — Заранарар моргнул, рассматривая птиц, явно только что добытых, даже не ощипанных.

— Ужин, — буркнула Наська.

Зар приподнял верхнюю губу. Он как-то привык, что ужин выглядит несколько иначе. Нет, конечно, в дни работы в караване случалось и такое, что приходилось самостоятельно дичь свежевать. Но на то Зар и устраивался при дворе, чтобы больше не пачкать руки потрохами.

— Ты предлагаешь мне самому их готовить?

Наська глянула из-под белёсой чёлки, притянула куропаток обратно к груди и пошла к очагу. Казан, что там булькал, уже почти затих, угли подостыли, так что Наське пришлось их разворошить. Птиц она бросила в бадью с водой.

Зар поморщился. Он вообще думал, что вода питьевая, ну или хотя бы руки помыть пойдёт. А после птиц как-то брезгливо. В степи воду добыть — дело непростое. Однако Наська вышла наружу и притащила два здоровенных кувшина, чуть не больше неё самой, под горлышко наполненных водой.

— Это ты откуда взяла? — поинтересовался Зар.

— Это я росу собираю, — буднично ответила Наська и залила воду в кастрюлю. — Видал сетки за околицей? На них утром туман оседает, в желобок капает, и по нему в бочку скатывается. Сама придумала.

Рассказывая, она принялась ощипывать куропаток, и отчего-то зашмыгала носом. А Зар понял, что тыква тыквой, но эта изобретательница ему пригодится не только для варки сладких палок. Страшно подумать, как мог проявиться её гений, когда освободится время ото всяких бытовых глупостей вроде приготовления еды.

Зар наелся припасами, но отказываться от угощения наверняка было невежливо, так что он попросил одну из птиц для Жрафаечки. Одним вяленным мясом она сыта не будет, а то и, не дай великая паучиха, орками закусит. Это же дипломатический инцидент! Да и почесать котяру за ушком надо

на ночь, она же одна тут, скучает по сёстрам.

Когда Зар вернулся, по шатру уже плыл сытный запах ку­ропаточной похлёбки, а на очаге булькал котелок, в кото­ром помимо птичьего мяса всплывали какие-то корни и зе­лень. Наська кивнула ему на отгороженный занавеской уго­лок шатра, где стояла бочка и лежал кусок мыла. Зара не пришлось просить дважды.

Только смыв с себя степную пыль и выйдя в шатёр в чи­стой мантии, Зар понял, что вокруг стало как-то пустовато. Все котелки сгруппировались на большом плоском камне у даль­ней стены, а разбросанные по всему шатру вещи куда-то по­девались. Занавеска над спальным местом была отодвинута, и Зар увидел, что на скатке стоит небольшой узелок из меш­ковины.

— Ты вещи, что ли, собрала? — спросил он, не особо по­нимая, зачем бы Наське такое делать. Ведь он её ещё никуда не приглашал.

— Да, — помешивая похлёбку, кивнула Таланастэ. — Че­го время терять?

Зар уставился на неё озадаченно.

— Ты поедешь со мной?

Наська наконец подняла глаза от котелка и встретила его взгляд.

— Конечно.

Сказала она это с каким-то странным выражением, но Зару было не до анализа. Его убеждение сработало отмен-

но! Он ещё сделать ничего не успел, ножик один подарил, а убеждаемая уже со всем согласна и даже вещи собрала.

Зар похвалил себя за дипломатический успех и широко улыбнулся.

— Умница! Ты сделала очень правильный выбор. Я тебе обещаю, что под моим началом у тебя будет достаток и уважение.

Плечи Наськи как будто чуть-чуть расслабились, и она принялась накладывать Зару похлёбку, выбирая самые мясистые куски. Зар чуть руки не потёр от предвкушения. Так быстро и качественно завербовать изобретательницу — это же не каждому под силу. Ему будет чем похвалиться перед принцессой! Да и еда пахла так, что сытость отступила. Значит, девушка и в этом не промах, а принцессе хороший повар тоже не помешает!

Ещё бы понять, где Зару предстоит ночевать, а то как бы не пришлось к пантере под бок укладываться.

Однако после ужина Наська постелила чистую тряпку на лежак и указала на него, а сама пошла совершать омовения. Зар огляделся. Никакого другого спального места в шатре не было. А с учётом того, как девушка перед ним хвостом крутила, похоже, она решила, что ночью их отношения выйдут на новый уровень. Зар почувствовал, как пробуждается его интерес, и изо всех сил постарался его подавить.

Это следовало пресечь в зародыше. Зар не любил смешивать деловое с личным, особенно в такой ситуации. С кем

переспать найти не штука, а вот изобретательница-самородок — вещь уникальная, и если она из-за какой-нибудь глупости обидится и начнёт вредничать, спросят-то с Зара. К тому же Зар в своё время и сам был не дурак поманипулировать начальством через постель и подставляться под такое не желал.

Поэтому когда мелкая вышла из купальни, завёрнутая в одну недлинную тряпку, у Зара уже были заготовлены слова:

— Давай проясним один момент, — начал он с напором и сбился, потому что отмытая и полуголая девушка выглядела вообще не так, как Зар себе представлял. Жилистая, изящная, стройная, а не тощая, с бронзовой кожей и сверкающими, как снежные вершины, волосами, она так и притягивала взгляд. Да что там взгляд, Зар бы и пощупать не отказался! Но дело первее. — Спать я с тобой не буду, — выпалил он вторую половину заготовленной фразы, хоть и скомканно.

Таланастэ помолчала, рассматривая его, потом внезапно покладисто кивнула, стащила с верёвки занавеску и с ней вышла из шатра. Зар постоял, потоптался, но так и не дождался её возвращения.

«Должно быть, ночует у приятельницы», — решил он, и от этой мысли жгуче кольнуло внутри. Но Зар подавил внезапное чувство и лёг спать, запретив себе искать запах Таланастэ на подушке.

Глава 4

Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.